

«АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ — ПИСАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ»

К 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Фото 1947 года

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ Фадеев был властителем дум многих поколений, в том числе и нашего, осознавшего себя в годы Великой Отечественной войны...

С детских лет, еще до того, как я приобщился к самостоятельному чтению и только слушал по вечерам отца, читавшего мне Пушкина, Жуль Верна, рассказы Мамин-Сибиряка и повести Гарина-Михайловского, Фадеев уже существовал в моем представлении как давно живущий на земле, хотя и неведомый мне пока классик. И лишь позже я узнал, что ошибался, потому что в литературу Александр Фадеев вошел совсем незадолго до того, как я и мои сверстники открыли его для себя — поначалу через легендарного Метелицу, а потом и через Левинсона, Баханова, Сено Кудрявого... А ощущение классической неземности литературного имени сложилось, видимо, от разговоров взрослых, которые в те годы зачитывались и «Разгром», и «Последним из удег».

Какое-то время Фадеев был для меня из того же ряда, что и Мамин-Сибиряк, Жюль Верн, Войнич, кого читал мне тогда отец. Но Жюль Верн — это Жюль Верн, он так и остался в детстве, а Фадеев оказался истинным учителем жизни. Да еще и родился он на той же твердой земле, что была и у нас под ногами.

И все-таки Фадеев по-настоящему пришел к моему поколению позже — вместе с «Молодой гвардией». И уже после мы возвращались к «Разгрому» и ранним произведениям писателя, по-новому, по-взрослому осмысливая его суровый реализм и затаившуюся в глу-

ный художник, который в дни великих испытаний думает и чувствует вместе со своим народом, не может не раскрыть во всем, что он делает, лучших сторон своей души». И подтверждением этих слов стало все творчество писателя.

Когда в Литературном институте я впервые увидел Александра Фадеева и, пригласившись в первом ряду конференц-зала, слушал его лекцию о мастерстве, о литературе и о молодости в ней, я мог бы припомнить самые лестные отзывы о таланте Фадеева не только молодежи, но и писателей, давно и прочно вошедших в историю литературы. Но в тот вечер было не до цитат. Я просто слушал большого писателя, убежденно-го партийца, который каждой своей строкой участвовал в борьбе за души молодых, лепил наши характеры, как лепили их и фронтовые письма, и похоронки, голод, слезы и надежды военной поры...

Фадеев говорил искренне, доверительно, говорил с нами о главном, совсем не заботясь о красоте фразы. Видимо, ему важно было в чем-то проверить себя на нас, молодых. Я помню, как он посуровел, когда заговорил о мелком индивидуализме. Эта тема чрезвычайно волновала его. Свидетельство тому — Павел Мечик и Стахович, в которых он осудил бескрылый индивидуализм. Обычно образы, созданные Фадеевым, были насыщены собственным опытом и личными ощущениями. Но материала для Мечика и Стаховича было маловато в той жизненной школе, которую прошел Фадеев, и писатель восполнил этот недостаток своим воображением, настоящим на резком неприятии подобных людей.

С УЛИЦЫ Горького, сразу за площадью Маяковского, открывается взгляду один из самых величайших литературных памятников Москвы — памятник Александру Фадееву. Рядом с бронзовой фигурой писателя поднялись вызванные им из жизни герои «Разгрома» и «Молодой гвардии»: партизаны-дальневосточники и подпольщики Краснодона.

Разделенные огромным географическим пространством и целой эпохой, что пролегла между гражданской и Великой Отечественной войнами, они обрели в художественном воплощении Фадеева удивительное духовное родство. Оно придает всему творчеству писателя ту органическую цельность, которую особо отметил Константин Федин: «Александр Фадеев — писатель революции. Мне кажется, его книги представляют собой единство, своего рода одну тему, многосложную внутреннюю, но монолитную по выражению, как героическая былина».

Думая об истоках этого идейно-художественного единства, о природе этой творческой целюстремленности, мы прежде всего обращаемся к героическим страницам фадеевской биографии, поистине неотделимой от судьбы страны и революции. Фадеев сражался за Советскую власть в Приморье, был тяжело ранен в бою под Спасском в одну из тех штурмовых ночей, о которых поется во всенародно известной песне. По льду Финского залива он шел в атакующей цепи делегатов X съезда партии на подавление контрреволюционного мятежа в Кронштадте, снова был ранен.

«...Я прежде стал революционером, чем писателем, — подчеркивал Фадеев, — и когда взялся за перо, был уже

сформировавшимся большевиком».

И все, что он написал, дышит несокрушимой верой в неизбежность революционного обновления мира, в правоту великой борьбы, во главе которой идут коммунисты-ле-

Георгий МАРКОВ

В СОАВТОРСТВЕ С ГЕРОИЧЕСКИМ ВРЕМЕНЕМ

инцы. Образы, созданные Фадеевым — от комиссара гражданской войны Левинсона до молодогвардейцев, героев битвы с гитлеровским нашествием, — это образы, рожденные исторической действительностью, выдвинутые в процессе борьбы нового мира со старым. Они как бы выхвачены художником из самых глубин социальных и психологических конфликтов времени и озарены ярким светом его таланта.

Один из зачинателей советской литературы, художник горьковской школы, Фадеев сыграл ведущую роль в создании Союза советских писателей. Выступая на Первом Всесоюзном съезде писателей, он развил идеи Горького о монументальных формах искусства, о необходимости «изображения больших, умных, цельных характеров, которые все в большем и большем количе-

стве выдвигаются рабочими и крестьянами». Долгие годы после Горького Фадеев возглавлял Союз писателей, по-горьковски заботясь о развитии многонациональной советской литературы, о сплочении писательского коллектива для деятельного участия в решении тех исторических задач, которые ставила перед страной, перед народом партия коммунистов. Воля партии всегда находила в душе Фадеева искренний отклик, вызвала энергию и стремление работать во имя ее интересов, не щадя ни сил, ни жизни.

Авторитет Фадеева был ис-

серьезно и заинтересованно отнесен к повестям Юрия Крымова... Среди нынешних мастеров слова многие с благодарностью вспоминают фадеевскую поддержку и помощь.

Зимой 1954 года, работая в Челябинске над романом «Черная металлургия», Фадеев выступил в местном театре с беседой о литературе. Главный режиссер Н. А. Медведев сообщил мне в письме, что Фадеев тепло, с похвалой отзывался о «Строговых». Помню, как открыло меня это внимание Фадеева к моей работе.

Он учил молодежь советами, замечаниями, письмами, статьями. Но едва ли не больше — личным примером художника, бесконечно преданного литературе. В работе над

большую организаторскую работу. Он привлекает лучшие писательские силы на радио, лично обращается ко многим литераторам с призывом давать в газету вещи, непосредственно подчиненные задачам фронта.

С той же пламенной страстью художника и гражданина, которая одухотворяла каждое его слово в годы войны, обрушивается Фадеев в послевоенное время на тех, кто снова угрожает миру, пытается свергнуть его в пучину мировой катастрофы. Фадеев достойно представляет нашу страну, вынесшую на своих плечах основную тяжесть последней войны, во Всемирном движении сторонников мира. Во Всемирном Совете Мира он работает рука об руку с самыми выдающимися борцами за мир, начиная с Ф. Жюлио-Кюри. На конгрессах и митингах Фадеев обращается к разуму и сердцу всех честных людей планеты. И сегодня, когда агрессивные силы толкают мир на грань термоядерной войны, советские писатели по-фадеевски активно и целеустремленно выступают за осуществление выработанного партией курса на устранение военной угрозы, на разоружение, разрядку и мирное сосуществование.

В повседневной работе Союз писателей последовательно развивает и обогащает горьковские и фадеевские традиции. На писательских съездах и пленумах, на заседаниях секретариата и творческих собраний, решая самые важные, самые актуальные задачи современного литературного процесса, мы обращаемся к своим великим предшественникам, опираемся на их опыт, чтобы идти дальше, к новым достижениям отечественной литературы.

Произведения Фадеева — великое завоевание литературы социалистического реализма. Они живут и борются, воспитывают новые поколения советских людей в духе беспредельной преданности социалистической Родине и Коммунистической партии, помогают нашему народу строить светлое здание коммунизма,

По страницам очередного сборника «Александр Фадеев. Материалы и исследования», подготовленного к печати Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР. Редакторы тома — Н. Б. Волкова, Н. И. Дикушина и В. М. Озеров.

О МАЯКОВСКОМ

Выступление А. А. Фадеева в Литературном музее 23 декабря 1940 г. на обсуждении проекта всесоюзной выставки, посвященной В. В. Маяковскому (печатается по неопубликованной стенограмме).

Осмотрев вместе с товарищами Перцовым и Асеевым весь материал, мы пришли к одинаковому мнению, которое я попытаюсь сформулировать.

Мы считаем, что общий план выставки, ее политический рисунок в общем правильны. Мы это принимаем.

Нужно развить литературную сторону дела и характеристику Маяковского как личности, как индивидуальности более широко и полно...

Во-первых, мы должны уже не бояться теперь, после того, как у нас есть такой правильный политический рисунок выставки, показать Маяковского в его конкретной связи с литературой своего времени, имея в виду литературную борьбу.

Если взять дореволюционное время, встает вопрос о футуризме. У нас есть полная возможность показать, что именно Маяковский представлял из себя в футуризме. У нас есть витрина, где показаны литературные отношения того времени. Здесь нужно подчеркнуть все это мракобесие, упадочнические вещи и показать, что же именно внес с собою Маяковский. Его не надо рассматривать как-то стыдливо, — надо показать, что он представлял собою в футуризме. Ведь он был его организатором. Дру-

их увеличить, чтобы они были значительнее. Нужно начинить ими выставку, чтобы Маяковский был дан во всех видах и проявлениях как человек.

вторяет то, что уже было. По существу — с отдельными замечаниями более или менее мелкого характера, высказанными мною устно, — все эти рисунки я считаю при-

отшумело и пироги съедены. Позвольте мне, тем не менее, от всей души поздравить Вас и крепко пожалить Вам руку.

Знакомство с книгой Ваших воспоминаний, обработанных Беком, вызвало во мне чувство глубокой симпатии и уважения к Вашему жизненному пути, инженера и ученого. Какой это благодарный и благородный пример для многих поколений молодых инженеров и ученых, пример и для молодежи наших дней, хотя сегодня для нас открыты все пути на производство, — да еще какое производство, — и в науку...

Мне доставляет особенную радость хотя бы заочно поздравить Вас и то обстоятельство, что я помню Вас лично по 1921—24 годам, когда я был студентом Московской горной академии, — правда, не «металлургом», а «геологом». (Впрочем, как видите, и геолога из меня не вышло!)

Судьба судила мне признаться сейчас за длинный роман о советской металлургии, а вернее — о людях ее, больших и малых. Занимаясь я уже им года полтора, хотя многообразная другая работа частенько отрывает меня.

Просил я работников ЦНИИчермет (о великом и свободном русском языке!), чтобы они представили меня Вам, мне о многом хотелось бы поговорить с Вами — я очень благодарен Вам за то, что Вы дали на это свое согласие. Но вышеупомянутая многообразная работа надолго оторвала меня от Москвы, и я очень горюю, что я до сих пор не смог встретиться с Вами. Тем не менее я очень и очень надеюсь, что Вы не откажетесь побеседовать со мной в ближайшее время...

в многоплановом романе, где много действующих лиц, очень легко потом, по окончании, убрать неизбежные длинноты экспозиции. Сейчас же я этого видеть не могу. Но читатель, который реагирует очень просто: «скушно!» — он это сразу заметит, и будет разочарован поначалу. Зато профессиональный человек со стороны, который знает что почем и что — куда, тот сразу скажет: «А вот это у тебя, братец, здесь отяжелело, это ты лучше расскажи где-нибудь потом». И даже конкретно может сказать: «До сих пор было нормально, а дальше пошло на неоправданную затяжку, лучше скажи об этом позже, а здесь уже переходим к развитию действия».

Так вот, я очень боюсь за первых 2 листа. В них экспозируется частная, интимная жизнь молодой рабочей семьи, а все самое главное начинается потом. Мне лично — черт побери! — просто нравится, как написаны эти два листа (по фактуре). А Ангелина Осиповна (Степанова, жена Фадеева. — Ред.), которой я читал и которая знает мои сомнения на этот счет, тоже боится, что слишком затянуто для начала. Мне ни черта не стоит этого размера кусок из этой частной экспозиции рассказать и в других местах романа! А бес самообольщения говорит: «Что ты, что ты, ведь это как раз и оригинально (по нынешнему — привлекательно торжественно) — начать этап с интимной-то жизни, это-то в тебе и ценно (хехе!)».

Если у Вас сегодня не занят вечер, я очень прошу прийти ко мне в 8 ч. и поскучать на этих двух листах — и либо поддержать авторские

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

эмлемы. Наиболее серьезные замечания можно и нужно сделать в отношении трех рисунков: 1. Сцена прощания Проценко с Лютиковым; 2. Сцена клятвы; 3. Трагика Баракова в соответствующей сцене...

Есть рисунки, чрезвычайно удавшиеся, — сцена в тюрьме, когда Уля читает, решена прекрасно. Хорош рисунок с Тюленевым — поджог биржи. Сцена с флагом, «молодогвардейцы» у радио — все это хорошо.

Желаю Вам всего доброго.

А. ФАДЕЕВ

5/II-54 г.

11 марта 1954
Дорогой Федор Петрович! «Клятва» теперь получилась, превосходно: характеристики теперь очень индивидуальные, и все очень человечно, никакого позирования. Бараква очень удачно, выражение лица у него теперь очень сложное, отвечающее положению, рабочая группа в этом рисунке превосходна. Прощание подпольщиков теперь улучшилось и в общем пришло. Хорошо дан Шульга, хотя и с «тыла». Лютикова я в Вашем месте сделал бы

Нужны макеты... Например, нужны макеты его комнат в Лубянском проезде и в Гендриковом переулке.

Нужно собрать некоторые предметы. Например, у него... есть типичный бумажник, — не бумажник, а кусок кожи, который раздвигается. Это не трафаретная, а индивидуальная вещь. Есть и еще какие-нибудь предметы, которые нужно обыграть, показать. Может быть, дать макет рабочего стола Маяковского и макет автомобиля Маяковского, и вообще каких-то предметов, чтобы можно было через это совершенно конкретно его охарактеризовать: вот какие предметы он любил.

Помимо общих макетов, нужно еще дать предметы,

